

22.04.06

Обычно родоначальником рода бывает какой-нибудь известный человек. История не сохранила имени основателя нашего рода, да и вряд ли такой человек был. Если верить старинным хроникам, наш род Болеста произошел от целой группы людей, а именно, от рыцарской партии, появление которой связано с правлением в Польше короля Болеслава Смелого.

Король Болеслав II Смелый из рода Пястов пришел к власти в 1058 году. Он вел бесконечные войны, и потому часто отсутствовал в стране. История Польши называет эти войны «королевскими». В 1058 году король напал на Чехию, но проиграл сражение. Затем, в 1060 и 1062 годах, он дважды собирал войско для похода против германского императора, поддерживая венгерского короля Белу I. В 1069 году король пошел на Киев, чтобы поддержать родственника, князя Изяслава, одного из претендентов на киевский престол. В 1070-1072 годах король вновь воевал в Чехии. После смерти короля Белы I, Болеслав возвел на венгерский трон его сына, Владислава. Затем, в 1077 году – вновь пошел на Киев. Непрерывающиеся войны привели к противостоянию короля и краковского епископа.

В отсутствие короля, в стране повсеместно распространились разбой и грабежи, неверные жены нарушали супружескую клятву. Рыцари просили короля возвратиться в страну, он же не хотел об этом и слышать. Поэтому некоторые из рыцарей стали самовольно оставлять монарха, заботясь о судьбе своих домов и семей. Когда король возвратился из Киевской Руси, он начал преследовать тех, кто незаконно покинул его. Под угрозой смерти король приказал неверным женам кормить грудью щенков, а незаконнорожденных младенцев – убивать. Это вызвало повсеместное осуждение.

Краковский епископ Станислав выступил в защиту тех, кому так жестоко мстил король. Он увещевал короля, призывая явить христианское милосердие по отношению к виновным и не карать их столь жестоко. Когда же монарх не внял его увещеваниям, епископ отлучил его от церкви, тем самым, лишив королевской власти. Король, узнав об отлучении, в порыве гнева ворвался с дружиной в храм и отсек мечом голову Станислава. Затем он приказал своим воинам разорвать его тело на куски. По преданию тело срослось. Станислав признан святым и считается небесным покровителем Польши. Болеслав же лишившись поддержки Католической церкви был изгнан из страны, а на престол возвели его брата, слабого Владислава-Германа. Ближайшие сподвижники короля, которые были с ним в походах, вынуждены были бежать на север, в Мазовию, где их называли болестами, то есть приверженцами Болеслава.

Болесты, как отдельные личности упоминаются уже в хрониках XII века. Там, например, записано, что в 1172 году соседский спор за деревню Карско между плоцким епископом Вернером и каштеляном (комендантом замка) Болестой закончился убийством епископа.

В 1409 году через Мазовию король Ягелло с войском направлялся на битву с крестоносцами под Грюнвальд. В хронике записано: «Продвигаясь из Жохова в Дробнин, польское войско по дороге миновали село Гуру, а затем деревни Гошчыно и Длужнево, и за рекой Добжицей, вступило на земли, которые издавна заселяли Болесты. В разные времена их по-разному называли: Ястжембцы, Нагурки, Лезенки. Излюбленным именем этого рода было имя Болеста, а прозвищами – Нагуры или Нагурки (деревня около Дробнина), а на гербе у них была подкова на щите, седлом вниз с крестом в середине, и ястреб над щитом. В 1408 году по просьбе каштеляна вышеградского Болесты и хорунжего Надбора, наследников Кемпы над Вислой весь род Болестов на Мазовше получил от

князя Земовита плоцкого разные привилегии».

В начале XV века роду герба Ястжембец принадлежали также четыре села – Бонислав, Яжево, Завидз и Козеброды. Таким образом, клан Болеста расселился на территории площадью почти 400 квадратных километров. Там есть даже озеро Болеста.

Имя Болеста стало широко известно по литературе XIX века, особенно по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Юрист Болеста – это один из второстепенных героев поэмы. Про него поэт написал:

Ведь адвокатом был когда-то пан Болеста

И обойтись не мог без красочного жеста.

А еще Болеста упоминается в романе Стефана Жеромского «Пепел», там некий Болеста Старший командует польским отрядом в битве под Самосьеррой в Испании. Реальный офицер по фамилии Болеста был шефом одного из батальонов генерального штаба наполеоновской армии. Другой Болеста был королевским комиссаром, факсимиле которого можно увидеть на кассовых банкнотах, имевших хождение в 1824-1828 годах.

Вообще, Болеста – один из самых больших шляхетских родов в Польше, к нему принадлежит множество известных фамилий. К гербу Болеста принадлежал погибший президент Польши Лех Качиньский. Из великих русских к нашему гербу относятся Гоголь и Цветаева.

Карта распространения фамилии Болеста в Польше

Первым нашим предком, существование которого подтверждают документы, является мой прадед Ян Болеста. Он был лесничим в окрестностях местечка Коморово близ Острова Мазовецка. О его отце (моем прапрадеде) известно только то, что он прожил 105 лет. Известно также, что моя прабабушка по женской линии звалась Юзефой, и происходила из рода Кажухов (от слова казать – приказывать). Однако, мне не удалось найти сведения о них.

Семейные предания сохранили смутные воспоминания времен шведского нашествия (поход Карла XII под Полтаву?) и зверств казаков во время одного из польских восстаний (они зарубили всех взрослых, а моя прапрабабушка, была совсем крошечным ребенком, она забралась под кровать и таким образом спаслась).

Ян Болеста был однорукий. Руку он потерял во время военных учений где-то под Петербургом. Разорвался снаряд, и ему оторвало кисть. Присутствовавшая на учениях великая княгиня приказала врачам пришить кисть прадеду. От этого у него началась гангрена, и врачам пришлось отнять ему всю руку.

Его брат эмигрировал в Бразилию. В редких письмах он с восторгом описывал тамошнее жилье. Брат писал, что земли там сколько угодно и брать ее можно бесплатно, а земля такая, что воткни палку и вырастет дерево. Он, правда, жаловался на то, что священник приезжает только раз в пять лет и дети растут нехристями. Еще сетовал, на дикарей, которые выкапывают покойников из земли. Однажды брат застал их за этим занятием и хотел застрелить, но индейцы упали на колени и подняли руки к небу, ему стало их жалко, и он их отпустил с миром.

Обилие свободной земли глубоко запало в душу прадеду, и он решил продать дом, хозяйство и эмигрировать в Бразилию. Соседи и друзья отговаривали его: «Что ты там будешь делать с одной рукой», но он отшучивался: «Буду ногой трясти деревья, а мне в рот будут падать винные ягоды».

Его трудно было остановить, он продал дом и хозяйство, купил билет на пароход, но тут на пароходе

началась эпидемия, и рейс отменили. Компания, которая занималась вербовкой эмигрантов лопнула, и прадед остался ни с чем. Он схватил ружье и хотел застрелиться, но соседи его остановили – «на кого оставляешь жену и детей».

А детей у него было немало: две дочери и несколько сыновей. Имена некоторых из них я помню от бабушки – Станислав (младший, он приезжал к нам, и я ему показывал Москву), Хероним, Вацлав, Чеслав, Владислав... Один из них служил музыкантом в уланском полку, кажется это был Чесик. Все они были вспыльчивые брюнеты с большими мясистыми носами.

Бабушка родилась в 1886 году, о чем свидетельствует документ, выданный в парафии Малиново. При крещении в местном католическом храме нарекли ее Марианной.

Мой дед Василий Петрович Левшин происходит из города Киржача Владимирской губернии. Недавно местный краевед прислал мне родословную деда. Его род известен с XVII века. Некий Афанисий Левшин рожденный в 1694 году сын монастырского слуги Естифия тоже служил при монастыре. Отец моего деда Петр Яковлевич Левшин (р.1854 г.) был сапожником, его старший сын Александр Петрович (1875-1951) унаследовал это ремесло от отца. Мой дед Василий Петрович тоже хорошо знал сапожное мастерство, но работал ткачем на шеркоткацкой фабрике, но, когда началась Русско-японская война, ушел на фронт молодым солдатом. Он защищал Порт-Артур в артиллерийской бригаде. Однажды он спас орудие, а крест за это получил фельдфебель, который совершенно к этому не был причастен.

После войны, деда, тогда уже младшего офицера, направили служить в Царство Польское, в Коморово, где помимо артиллерийской бригады стояли еще два полка. Раз в неделю молодые офицеры устраивали танцы, на которые приглашались барышни из хороших семей. Русских в Польше не любили, но к офицерам относились с уважением, и отпускали дочерей на танцульки, которые гордо именовались балами.

Патриотически настроенные братья были против того, чтобы Марианна общалась с русскими офицерами, но мать не возражала, среди местных не было хороших женихов, а русские, известное дело, все богатые. На одном из балов дед встретил бабушку, и они полюбили друг друга. Они не только танцевали, но и гуляли под звуки военного оркестра в парке, куда «собакам и солдатам» вход был категорически запрещен.

В конце концов, они решили пожениться, но осуществить это решение было совсем непросто. Дедово начальство не разрешило бы ему жениться на католичке, а бабушкины братья сказали, что убьют ее, если она выйдет замуж за русского. И тогда влюбленные пошли на хитрость. Начальству деда они сказали, что его невеста приняла православие, а родственникам бабушки – что Василий перешел в католичество. Утром их венчал гарнизонный капеллан, а в полдень – ксендз в местном костеле. Наверно все догадывались об этой хитрости, но решили не подавать виду.

Некоторое время они жили в Царстве Польском, потом в России. В 1912 году в городе Луге, под Питером, родилась моя мать. Вскоре началась Первая мировая война, и дед ушел на фронт.

Очевидно, после Брусиловского прорыва, когда русская армия застряла в Мазурских болотах, дед попал в немецкий плен.

Практичные немцы зря пленных не кормили – они сдавали их крестьянам в качестве рабочей силы. К одному такому крестьянину дед и попал. Только это был не совсем немец, а лужичанин. Есть такая маленькая славянская народность в округе Котбус. Они считались немцами, и все как один владели

немецким языком, но между собой разговаривали на лужицком языке, похожем на чешский. Крестьянин был очень добрым человеком, к деду относился, как к собственному сыну – кормил, поил и работать много не заставлял, одна беда – прижимист был насчет спиртного. А дед, как русский человек, выпить любил, вот он и придумал, как разводить старика на выпивку. Во время работы он прятал его любимую трубку куда-нибудь в стог сена. Старик убивался, чуть не плакал: «Ой, Василий, пропала моя фэйка, что я теперь без нее буду делать?». А дед ему: «А если я найду, шнапса нальешь?». Крестьянин соглашался, и дед делал вид, что ищет трубку, а потом вытаскивал ее из стога, и они вместе праздновали находку.

Дед вернулся из плена в свой родной Киржач, где его ждала польская жена. Во время революционных событий они жили уже в Москве, и бабушка работала на фабрике «Форнарина», где делали знаменитое глицериновое мыло. Взбунтовавшиеся рабочие посадили в тачку директора-француза Секлие, и вывезли на улицу. Директор очень плакал, по словам бабушки, он был хорошим, мягким человеком, и к рабочим относился по-доброму, но революция и милосердие были несовместимы.

От революции дедушка с бабушкой укрылись в Западной Украине. Они снимали дом с садом и прудом, где-то на Волыни. В саду росли замечательные груши, а в пруду водились черепахи. Дочери Ольга и Юлия учились в школе, на праздники любили рядиться в украинские костюмы. Одна беда – дед все время тосковал по родине.

Вскоре Россия сама пришла к нему. В 1919 году на землю Западной Украины вступила Красная Армия. Дед помогал своим, чем мог – сопровождал военные транспорты на перегоне Ровно-Шепетовка. В 1921 году, однако, Волынь вместе с Галицией по Рижскому договору опять перешла под юрисдикцию Польши, и все семейство, кажется, вновь переехало в Коморово.

В России была разруха и голод, а в Польше жизнь с каждым днем налаживалась. Там люди думали не о большой политике, а о том, как лучше устроиться. Дед вспомнил спожное мастерство, он не только чинил обувь, но и шил сапоги, ботинки и даже дамские туфли. У него появились хорошие заказчики. Его в городе знали и относились к нему, как к «своему» русскому, к тому же он внешне был очень похож на Пилсудского. И все бы хорошо, когда бы не мучительные приступы ностальгии. По-польски он, подобно многим русским, говорить так и не научился – зачем коверкать язык, когда все и так понимают, что он хочет сказать. Он все вздыхал и жаловался, что здесь нет ни самоваров, ни баранок. Бабушка шла в магазин и покупала самые лучшие баранки, но дед говорил, что это не такие. В конце концов, пришлось ехать в Варшаву – подавать прошение о выезде в Советскую Россию.

В 1926 году они приехали все в тот же Киржач. Здесь дед устроился на службу бухгалтером в артель инвалидов, но вскоре умер от сердечного приступа. Бабушка с тремя детьми уехала в Москву, вернуться в Польшу она уже не могла – Сталин закрыл границу на замок. Она крутилась изо всех сил, чтобы прокормить троих детей – Ольгу, Юлию и Анатолия, торговала хлебом, работала в столовой. Каким-то образом ей удалось получить квартиру в Марьиной Роще, в доме бывших лесопромышленников Смирновых. Кроме бабушкиного семейства в доме жили одни Смирновы. Им, конечно, не нравилось, что их «уплотнили», да еще подселили к ним иностранку, но бабушка быстро поставила их на место – она умела за себя постоять.

Вообще, это была весьма энергичная и самостоятельная женщина, никогда не терявшая

самообладания. В отличие от своих русских товарок, она ни на кого никогда не рассчитывала, ни на государство, ни на родственников, и на знакомых. В то же время она была контактным, доброжелательным человеком. Помню, когда мы в Марьиной Роще ходили на рынок, то по пути с ней все здоровались, останавливались, спрашивали как здоровье. Сама она никогда не жаловалась на жизнь, а другим сочувствовала. По дороге на рынок мы несколько раз заходили в гости то к одним, то к другим: пили чай, слушали пластинки. Каждый такой поход занимал полдня.

Благодаря бабушкиной самоотверженности и предприимчивости дети сумели встать на ноги.

Старшая и самая бойкая – Ольга даже окончила Плехановский институт, Юлия работала в больнице, а Анатолий пошел на завод.

Во время войны Ольга работала в Министерстве обороны – занималась снабжением армии продовольствием. Вероятно, по заданию НКВД она сблизилась с неким сотрудником английского торгпредства по имени Билл, он также занимался поставками продовольствия для Красной Армии. Тетка, видимо, «перестаралась» насчет англичанина – влюбилась, хотя к этому времени она была замужем за высокопоставленным советским чиновником, ее арестовали и отправили в мордовские лагеря. Ее муж – нарком мукомольной промышленности, как тогда было принято, отказался от «английской шпионки», а их дочка Наталия досталась бабушке. Помню раз в месяц мы собирали посылку в Потьму. Эти посылки почему-то принимали только в Люберцах или в Мытищах, и туда нужно было ехать на электричке.

Юлия во время войны работала в госпитале, а Анатолия мобилизовали. Он единственный из детей родился на польской территории, и в графе национальность у него было записано: поляк. Армейское начальство отнеслось к нему с недоверием, и его, вместо того, чтобы отправить на фронт, послали в тыл. Это была странная экспедиция, целый отряд поставили на лыжи и отправили в Чувашию, с какой целью непонятно, известно только, что начальство не позаботилось о пропитании отряда. Питались они тем, что удавалось выпросить у крестьян – картошкой, свеклой, всякой падалью. Они мерзли, пухли от голода, болели, а их все гнали и гнали на восток. Каким-то чудом он выжил, но вернулся домой совсем больным, и не явился на следующие сборы. От верной смерти его спасла Ольга, которая похлопотала у себя в министерстве, чтобы его не забирали в штрафбат, как дезертира. После лагерей Ольгу сослали в деревню Межово, Большемурутинского района, Красноярского края. Она там работала бухгалтером в совхозе. Там все руководство было из ссыльных. Деревня была глухая, местные жители в глаза не видали ни фруктов, ни овощей. Тетке выделили 30 соток земли, на которых она разбила замечательный огород. Из семян, которые мы присылали из Москвы она выращивала зелень, огурцы, свеклу, морковь и даже такие «дикивинки» как редис, помидоры, кабачки и тыквы.

Деревня располагалась среди тайги между двух речек Итат и Бартат. Одна была холодная и глубокая, а другая мелкая и теплая. Вокруг деревни бродили медведи, время от времени они нападали на домашних животных, и тогда местные жители отправлялись на охоту. По берегам речек было много ягодников. Малину и черную смородину собирали ведрами.

В 1954 году нам разрешили навестить Ольгу, и мы всем семейством, то есть моя бабушка, мама и я, отправились в путь на поезде через всю Россию. Мне тогда было семь лет. Прекрасно помню и деревню Межово, и дом, где жила тетка. Это была типичная сибирская мрачная изба с огромной русской печью, в которой выпекали хлеб, и ставнями на окнах. С улицы двор был защищен стеной из

толстенных бревен, а с другой стороны никакой ограды вовсе не было - заходи кто хочет.

Мы гостили у тетки все лето. А потом был пасмурный день, когда умирал Сталин. Сестра Наталия плакала, моя мать вздыхала, а бабушка по-польски молилась, чтобы «собака поскорее сдохла». Она и сдохла. По радио шел бесконечный репортаж о том, как народ прощается с вождем. Особенно запомнилось про мальчика, который принес вождю цветов, выращенный дома в горшке. Наталия видно завидовала этому мальчику, потому что ревела и рвалась в Колонный зал, но бабушка заперла двери, а ключ спрятала, и, таким образом, возможно, спасла ее от смерти.

Юлия после войны успела дважды выйти замуж и оба раза неудачно. Первый муж был родом из Киржача. Он был пьяница, ревнивец и зануда, когда он напивался то говорил, что зарежет жену и себя, если она ему изменит. А второй – мой отец, оказался авантюристом. Он был изобретателем и живописцем, торговал на рынке жареными курами, а по совместительству работал еще и бухгалтером или кассиром. Однажды он скупил на казенные средства все каюты на пароходе, и отплыл вдвоем с любовницей на юг. Сняли их где-то на полпути к Астрахани. За любовь к красивой жизни он получил пять лет тюрьмы.

Ольга была реабилитирована после XX съезда и воссоединилась со своей семьей. Ее дочь Наталия, моя двоюродная сестра, всегда с энтузиазмом относилась к своей родне по отцовской линии. Ее отец Александр Семенович Голубев по женской линии происходил из знатного духовенства. В его роду кажется был настоятель Кремлевского Успенского собора. Дядей Александра Семеновича был известный советский ученый, профессор МГРИ Борис Иванович Воздвиженский, а его более дальними родственниками - знаменитый актер Игорь Ильинский (Александр Семенович был, кстати, внешне очень похож на него) и поэт Всеволод Рождественский.

Что касается моего дяди Анатолия, то он ушел с завода и устроился в «шарашку». Потом женился и зажил сам по себе.

Вот и все, что я могу рассказать об истории нашего рода, остальное пусть напишут другие, если им не будет лень. А знаете, почему на нашем гербе подкова седлом вниз? А, чтобы счастьем удобнее было в нее попадать. Вот и судите сами, как примета работает.